

эзии: «фоническая музыка», основанная на композиции фонем вне семантического значения слова («Весна»: «Сииньсоон сийй селле соонг се...» и т. д.). Следуя здесь традиции В. Хлебникова (после его смерти Т. провозгласил себя «Велемиром Вторым» и «Председателем Земного Шара Зауми»), Т. фактически ограничил заумь собственно эстетическими задачами, хотя и упоминал в своих статьях и декларациях имена мн. философов и ученых: А. Бергсона, А. Эйнштейна, В. Вундта, Н. Марра и др.

Как поэт Т. претерпел ощутимую эволюцию. Включенные в «Эолову арфу» стихи, написанные в самых разных формах (глосса, рондо, акростих, кансона, газелла и др.), выдавали автора как эпигона символистов, усвоившего кое-что от Игоря Северянина. Вошедший в книгу «К зауми...» «стихотворный поп-арт» напоминал опыты А. Крученых, он не выходил за рамки эксперимента. Наивысшим достижением Т.-поэта стала поэма «Ушкуйники» (1927, авторское обозначение жанра — «фрагменты поэмы»).

Построена она на единении двух языковых пластов — совр. и древне-языческого, что придавало стиху особую экспрессию. А пафос произведения, появившегося в юбилейный для Октябрьской революции год, ярче всего был выражен в строках: «Новограда вольница. / Буйная застольница, / Коли властей не ко двору, / Выйдем с кличем: — К топору!»

Когда в 1931 вместе с группой работников ленинградского отделения Детгиза Т. был арестован ОГПУ по обвинению в контрреволюционном заговоре, он признал, что «вся эта поэма, написанная методами и приемами поэтической зауми, <...> переключает современную советскую действительность на XV век, на эпоху борьбы Вольного Новгорода с Москвой, причем под дружиной „новгородских ушкуйников“ понимается мною белая армия, а под Москвой XV века — Красная Москва, Москва Ленина и большевиков» (Протоколы допросов А. В. Туфанова // Октябрь. 1992. № 11. С. 188). В отличие от др. арестованных Т. был наказан сурово: «Заключение в концлагере сроком на 5 лет». Он отбывал срок в Темниковском ИТЛ НКВД (Потьма Казанской ж. д.), после освобождения по инвалидности с 1933 по 1936 жил в Орле. Занимался там переводами. В 1936 ему было разрешено переехать в Новгород, на родину предков. Там он работал лаборантом в учительском ин-те, продолжая изучение фольклора. Об обстоятельствах смерти Т. достоверных сведений нет: исчез в нояб. 1941. Есть

версия (см.: Бахтерев И. Последний из ОБЭРИУ // Родник. 1987. № 12. С. 54), что Т. был эвакуирован в Сибирь и там умер от голода.

Соч.: К зауми // Забытый авангард России. Первая треть XX столетия. Wiener Slawistischer. Almanach. Wien, 1988. P. 102–125; Ушкуйники / сост. Ж. Ф. Жаккар и Т. Никольская. Berkeley, 1991.

Лит.: Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Заболоцком. Л., 1984. С. 66–67; Sigow S. [ошибка: автор — Никольская Т.]. «Орден заумников» // Russian Literature. Vol. 22/1. P. 85–95; Гумилевский Л. Судьба и жизнь: Воспоминания // Волга. 1988. № 7. С. 163; Палей А. Р. Председатель земного шара // Палей А. Р. Встречи на данном. Воспоминания. М., 1990. С. 88–91; Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела / вступ. статья, публ. и комм. И. Мальского // Октябрь. 1992. № 11. С. 166–191; Жаккар Ж. Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. С. 34–40.

Г. В. Филиппов

ТУШНОВА Вероника Михайловна [14(27).3. 1915, Казань — 7.7.1965, Москва] — поэт, переводчица.

По совету отца — профессора Казанского ун-та, впоследствии академика ВАСХНИЛ, известного микробиолога, основоположника тканевой терапии, — поступила в Ленинградский медицинский ин-т, в котором проучилась с 1931 по 1936. В 1941 поступила в Лит. ин-т им. А. М. Горького, но из-за начав-

В. М. Тушнова

шейся Великой Отечественной войны учиться в нем ей не довелось: все время войны она работает сначала медсестрой, а затем врачом в эвакогоспиталях Москвы и Казани.

С детских лет Т. писала стихи и занималась живописью. Впервые напечаталась в 1944, а в 1945 вышел ее первый сб. стихов «Первая встреча», навеянный впечатлениями военных лет. В 1946 принята в СП СССР. В 1952 отд. изд. выходит ее поэма «Дорога на Клухор», а в последующие годы сб. стихов «Пути-дороги» (1954), «Память сердца» (1958), «Второе дыхание» (1961), «Лирика» (1963), «Сто часов счастья» (1965).

Любовь — не просто основная тема лирики Т., а главный стимул ее жизни и творчества: без любви для поэтессы нет полноценной жизни, нет остро и глубоко чувства красоты первозданной и вечной природы, нет ощущения счастья своего бытия в мире и его неповторимости. В годы Великой Отечественной войны началась реабилитация, особенно в стихах К. Симонова, любовной лирики, которая в предвоенные годы находилась в опале. Возрождается и женская любовная лирика: о своей фронтовой любви писала в своих стихах Юлия Друнина. Т. не была на фронте, она работала в тыловых госпиталях, и поэтому она, в отличие от Друниной, ничего не говорит о том, что у нее пробуждение чувства любви происходило в смертельно опасных условиях фронтовой жизни. Между тем и у Т. обостренное и одухотворенное переживание чувства любви было обусловлено не только ее темпераментом и молодым возрастом, но и характером военного времени, вносившего в переживания влюбленными интимных чувств особую остроту, напряженность и интенсивность. Конечно, переживание любви Т. было не типичным, а исключительным, но раскрывалась эта исключительность любовных переживаний не романтически, как, например, в поэзии М. Цветаевой, а реалистически, психологически глубоко и тонко, с передачей нюансов женской души, одержимой высоким чувством любви. Т. суждено было в послевоенное время с наибольшей глубиной и психологической тонкостью передать в своей лирике жизнь влюбленной женской души и тем самым способствовать возрождению любовной лирики в целом. Эта поэтическая заслуга Т. до сих пор не получила должной оценки и признания.

Образ возлюбленного в лирике Т. очерчен весьма общо, но наделен довольно устойчивыми свойствами: он не отличается

пылкостью чувств, не изъясняется в ответ в своей любви, встречи с ним весьма редки, он часто покидает влюбленную в него женщину, но все это не мешает ей боготворить возлюбленного («И грозный свет на краткий миг / в твоём лице, / как будто не лицо, а лик / в святом венце»), ибо любовь к нему волшебным образом преобразует ее восприятие мира, делает его поэтическим и вдохновенным, позволяет отвлечься от прозаической повседневности, остро ощутить живую красоту природы и счастье своего бытия, забыть неурядицы и обиды. Из такого восприятия возлюбленного и такого восприятия жизни рождаются стихи, поэзия: «Знаю я бессильное мученье / над пустой тетрадкой в тиши, / знаю мысли ясное свечение, / звучную наполненность души. / Знаю также быта неполадки, / повседневной жизни маету... / Все-таки живется высоко мне. / Очень я тебя благодарю, / что не в тягость мне земные корни, / что как праздник / праздную зарю, / что утрами с пеньем флейты льется / в жбан водопроводная вода, / рыжий венник светится на солнце, / рдеют в печке чудо-города... / Длится волшебство не иссякая, / повинуются мне / ветер, дым, / пламя, снег и даже сны, / пока я / заклинаю именем твоим».

Любовь к такому обожаемому, но довольно равнодушному мужчине делает поэтессу духовно и творчески активной личностью, тогда как обожаемый возлюбленный остается во всех отношениях пассивным. Показательно, что при всей бытийной силе и значимости своей любви к такому возлюбленному Т. не хочет подчиняться его обыденному представлению о любви, лишенной бытийного и творческого огня: «Говоришь ты мне: / — Надоела грусть! / Потерпи чуть-чуть, / я назад вернусь. / Хочешь ты любить, / как настольный свет: / повернул — горит, / повернул — и нет. / Хочешь — про запас / (пригодится в срок), — / а любовь не гриб, / не солится впрок. / Жить по-своему / не учи меня, / или есть огонь, / или нет огня!»

В стих. «Над скалистой серой кручей...» рассказ Т. о своей любви, просветляющей и одухотворяющей взгляд на мир, приносящей возлюбленным чувство блаженства, рождает ассоциацию с блаженством Евы и Адама до их изгнания из рая Богом за греховность их любви. Но греховна ли любовь, духовно преобразующая человека и его восприятие жизни? «Уж такой ли грех великий, / чтобы нам такая кара? / День беспечный, быстротечный... / Так ли мы виновны были, / чтоб друг к другу нас навечно / за него приговорили?»

Вера Т. в извечную приговоренность влюбленных друг к другу со временем под влиянием жизненных обстоятельств, размолвок с любимым и возрастанием его отчужденности ослабевает, но не исчезает совсем. «Бывало все: и счастье, и печали, / и разговоры длинные вдвоем. / Но мы о самом главном промолчали, / а может, и не думали о нем. / Нас разделило смутных дней течение — / сперва ручей, потом, глядишь, река... / Но долго оставалось ощущение: / Не навсегда, ненадолго, пока... / Давно исчез, уплыл далекий берег, / и нет тебя, и свет в душе погас, / и только я одна еще не верю, / что жизнь навечно разлучила нас». Однако и после того, как повседневная жизнь привела к исыяковенной высокой любви, Т. сохранила благодарную память о ней как о бытийном идеале, позволившем ей реально пережить творческое, одухотворенное восприятие мира и запечатлеть это восприятие в своей лирике. А высокое поэтическое слово, напечатанное в книгах, становится эстафетой вечной жизни. Философски размышляя об этом, Т. писала: «Человек живет совсем немного — / несколько десятков лет и зим, / каждый шаг отмеривая строго / сердцем человеческим своим. / Льются реки, плещут волны света, / облака похожи на ягнят... / Травы, шелестящие от ветра, / полчищами поймы полонят. / Выбегает из побегов хилых / сильная, блестящая листва, / плачут и смеются на могилах / новые живые существа. / Вспыхивают и сгорают маки, / истлевает дочерна трава... / В мертвых книгах / крохотные знаки / собраны в бессмертные слова».

Соч.: Стихи. М., 1969; Избранные стихи и поэмы / предисл. А. Туркова «Ее звезда». М., 1988; Не отрекаются любя. М., 1997; Дом мой — в сердце твоём: стихотворения. М., 2001.

Лит.: Калитин Н. Первая книга // Лит. газ. 1945. 1 дек.; Степанов Н. Молодые поэты // Знамя. 1948. № 2; Новые стихи А. Кронгауза и В. Тушновой // Лит. газ. 1948. № 41; Басалаев И. Стихи Вероники Тушновой // Звезда. 1955. № 1; Марченко А. «Нет, это не молния, просто зарница...» // Знамя. 1959. № 1; Яшин А. Памяти друга // Лит. газ. 1965. 10 июля; Друнина Ю. Памяти В. Тушновой // Лит. газ. 1965. 16 нояб.; Гинзбург Е. Живое сердце // Новый мир. 1965. № 12; Михайлов Ал. Строки любви и счастья // Москва. 1966. № 2; Жирмунская Т. Кладовая тепла // Лит. газ. 1967. 12 июля; Ахмадулина Б. [Вступ. заметка к стихам Т.] // Лит. Россия. 1976. 26 марта; Соболев М. «Биенье сердца моего...» // Поэзия: альм. Вып. 20. М., 1977. С. 161–163; Соболев М. Два портрета. Вареничка. // Октябрь. 1987. № 8. С. 180–182.

М. Ф. Пьяных

ТХОРЖЕВСКИЙ Сергей Сергеевич [16.3. 1927, Ленинград] — прозаик.

Прадед Т.— А. И. Пальм, сын провинциального захудалого дворянина и крепостной крестьянки, прапорщик лейб-гвардии, петрашевец, стоявший на эшафоте вместе с Ф. М. Достоевским, беллетрист и поэт. Дядя Т.— А. И. Тхоржевский, камергер царского двора (с 1912 по 1917), управляющий канцелярией Министерства земледелия, с 1919 эмигрант, журналист, поэт, известный переводчик Омара Хайяма, похоронен в Париже (1951). Отец Т. окончил юридический ф-т Петербургского ун-та, имел науч. труды по истории, в 1930-х был безвинно осужден, отправлен в лагерь на Беломорканал. Умер в блокадном Ленинграде. Самого Т. репрессировали 16-летним школьником, и он провел 6 лет в тюрьмах и в лагере на Воркуте, где работал на шахте. В 1952–55 Т. жил в г. Каменске Ростовской обл., после чего получил возможность вернуться в Ленинград. Впервые рассказы Т.— «**Близкий человек**» и «**Снег**» — опубликованы в альм. «Молодой Ленинград» (1957). Первая книга рассказов «**Ожидание**» вышла в 1958.

Человек всесторонне образованный, Т. в высших учебных заведениях не учился, а лит. школой для него стало объединение молодых прозаиков при Ленинградском отделении изд-ва «Советский писатель», руководимое Л. Н. Рахмановым и М. Л. Слонимским; Т. занимался там в 1956–58 вместе с А. Володиным, В. Пикулем, В. Курочкиным, В. Конечким, В. Голявкиным и др. Ранние рассказы Т. так или иначе навеяны тюремными или лагерными воспоминаниями («**Туман над Вадьюганом**», 1953; «**Второе крещение**», 1956; «**Косуха**», 1959), в них слышатся отголоски драматической биографии автора, сожаления об исковерканной юности, о неузнанной чистой любви и погибшем семейном уюте. Тем не менее и эти рассказы, и те, что написаны по впечатлениям лет, проведенных на юге («**Цветет алыча**», 1961; «**Река шумит среди камней**», 1966), и повесть «**Счастливый и везучий**» (1964), как бы подводятся итог «лагерной теме», проникнуты светлым мироощущением и свидетельствуют о духовной стойкости писателя.

Во второй половине 1960-х Т. обратился к документально-биографическому жанру, написав историческую повесть «**Жизнь и раздумья Александра Пальма**» (1967–69), изданную отд. книгой в 1971. Причины, побудившие его взяться за перо, он объяснял в послесл. так: «Мой первоначаль-